

На половецком скакуне и с песней

Вел. Москва 2004 - 28 июня - СБ

■ Наталья ЗИМЯНИНА

Такого раскованного артиста аскетичная сцена московской «Новой оперы» еще не видела. Кура был тут как у себя дома: будто это его театр, его оркестр, да и мы, зрители, пришли к нему на вечеринку.

На пресс-конференции накануне он пожаловался, что лет 15 назад кто-то из журналистов присвоил ему титул секс-символа, который не отлипает от него до сих пор. И правильно не отлипает, и нечего жаловаться. Де Грие, Альваро, Каравадосси, Пинкертон и его коронный Отелло, наконец, — все арии зал слушает с открытым ртом, восхищаясь красавцем, знающим цену и своей знойной внешности, и убойному голосу, и свободному владению бельканто.

Да Кура еще, то и дело вызывая на сцену переводчицу, разговаривал с залом: «Спасибо вам, что театр полный!» «Мне приятно видеть столько знакомых лиц, особенно молодых, и даже детей... Тебя как зовут? Тебя мама привела или тебе нравится, как я пою? Нравится? Спасибо, что обманываешь так хорошо...» «Если уж вы снимаете концерт на видео, прикрывайте огонек, чтобы я не засек вас со сцены! То, что вы его не прикрыли, — продолжает он под хохот зала, — свидетельствует о вашем чистом, честном сердце. Вы — пират, но наивный».

Да если бы Кура даже не пел, а только разговаривал вот так своим необыкновенно аргентинским голосом, публика уже поплыла бы от счастья. А он и пел — и дирижировал. Он первый в мире певец, который совмещает в концерте две ипостаси. В первом отделении за пультом стоял венгр Тамаш

Хосе Кура словно шагнул к нам из латиноамериканских сериалов.

Самородистый тенор напористого мачо лет десять назад все чаще стал звучать не только в Италии, где он учился, но и по всему миру. Сейчас Кура — один из самых востребованных оперных певцов мира. Это его избрали исполнить Олимпийский гимн на грядущих Играх в Афинах.

Пал, во втором красиво неистовствовал наш Феликс Коровов. А на «Половецких плясках» Бородина на подиум восшел сам Хосе Кура в своей свободной черной шелковой блузе, рукава которой то и дело взлетали, как крылья. «Are you O.K.?» — громко спросил он у хора — и понеслась: условно-этническое буйство музыки Бородина очень под стать темпераментному музыканту, который то и дело приседал на

пружинистых ногах, будто мчался на скакуне во главе гипотетического дикого племени.

Не хочется ворчать, что все прошедшие перед нами на сцене образы знаменитых оперных героев были почти неотличимы друг от друга. Конечно, недавно побывавшие в Москве Доминго и Каррерас относятся к своим персонажам куда как трепетнее и тоньше. Но разве не было приятного ощущения, что Хосе Кура вернул нас в те

мифические времена, когда опера еще не страдала академической косностью? И в то же время он воплощает идеальную эстрадную ипостась классического певца, которому противно дуть щеки, бычить шею, стоять на сцене индейком и снисходительно принимать розы от рыдающих поклонниц. Букеты Кура, не задумываясь, тут же раздавал оркестрантам. Все было просто и весело. Хотя немножко слишком.

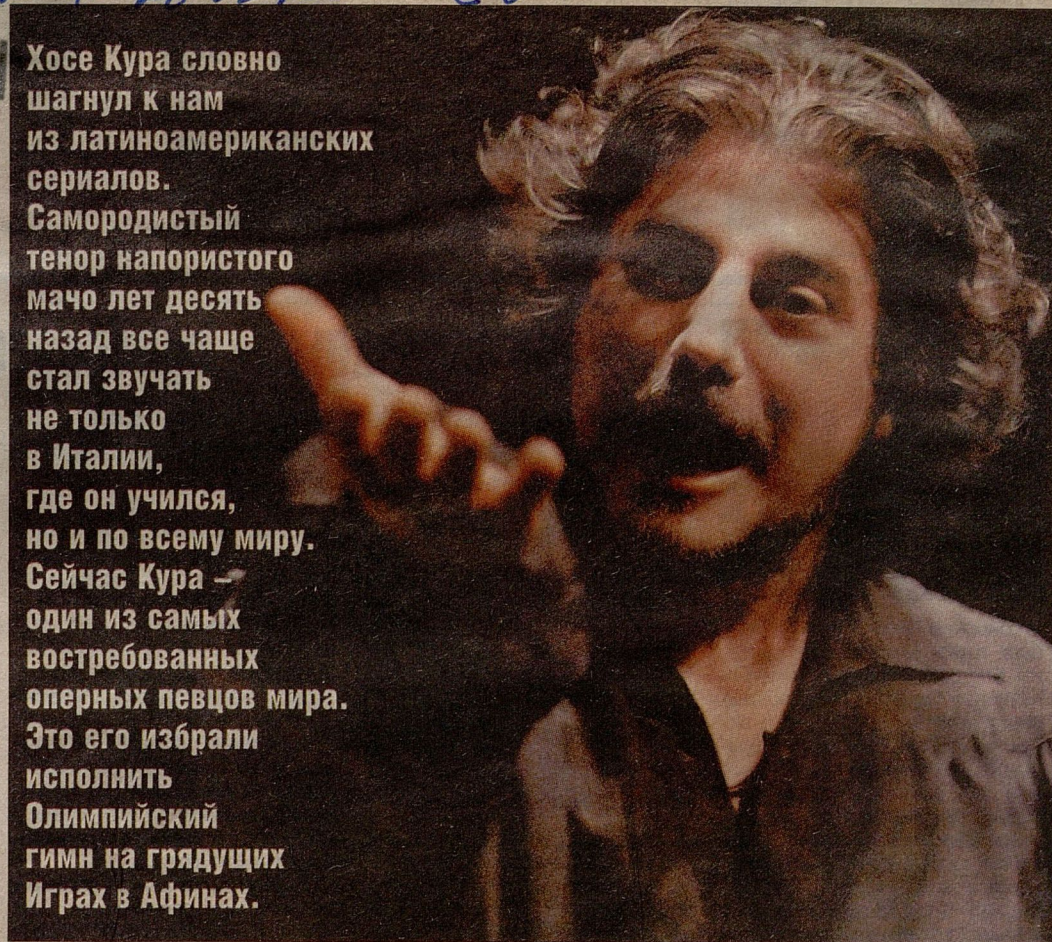

ФОТО ИТАР-ТАСС

Кура Хосе
Каррерас

28.06.04.